Андрей РАСТОРГУЕВ

С ЛЮБОВЬЮ ВОПРЕКИ

Не питая иллюзий в отношении Отечества,
поэт Вадим Дулепов не имеет и претензий к нему

Ни Бога, ни святых Николу с Егорием, ни даже Россию, не говоря уже о прочих географических местах и государствах, в стихах Вадим Дулепов с прописной буквы не пишет. У него такие буквы вообще отсутствуют. Никакой новации в этом, конечно же, нет: многие из нынешних поэтов ещё и без знаков препинания обходятся. Но здесь, похоже, причина в ином. Нет у дулеповского лирического героя, который прошел вместе с автором две войны, желания кого-то или что-либо величать. Да, собственно, и оснований тоже.

Пехота уходит вверх

Более двадцати лет назад – в 1985-м – поэт был в числе без пяти минут лейтенантов, готовящихся к выпуску из Львовского высшего военно-политического училища и с гордостью примерявших парадные золотопогонные кителя. А этот его герой, кажется, уже тогда мог поглядеть на примерку глазами портного – мудрого ветхого еврея, который чудом выжил во множестве минувших войн и потому «помнит вечность наперёд»:

…девицы и правители ликуют…
вам первую? вторую мировую?
столетнюю? иль – только тридцати?
а сил достанет – до конца дойти?..

великолепен китель офицера,
наряд рубаки, хвата, гордеца.
и пенится восторг наивной веры,
не видящей под золотом свинца.

Свинцовая подложка из-под сусального золота полезла практически сразу – в Афгане. Азиатскую инаковость герой ощущает уже в узбекском

Ташкенте, чья земля представляется ему под древним, ещё со времен Александра Македонского именем Ариана: «*здесь солнце – одетая в марево неба// чернявая девка кружит свои косы…*». Но, расставаясь со столь же традиционными для русского человека видами Родины – «*прощайте, неяркая тесная воля,// неспешные воды, неслышные росы,// и ты – васильковое мягкое поле,// и вы – мои русые русские сосны…*» – он уходит через границу, ни о чём не жалея. И погружается в простую жизнь, в которой слова, вещи и люди являют свою изначальную сущность:

жизнь – чтобы жить,
война – чтоб воевать.
хлеб – чтобы есть.
патроны – чтоб стрелять.

сон – чтобы спать.
письмо – чтоб приходить.
вода – чтоб пить.
товарищ – чтоб дружить.

смерть – чтоб погибнуть.
слово – чтоб держать.
и матери –
чтобы солдат рожать.

на самом деле
<u>так</u> устроен мир.
а остальное –
знает командир.

И чтобы жить, но при этом выполнить задачу, надо кровь из носу оседлать господствующую высоту на 4300: «*…надо влезть, удача прёт пока.// назад нельзя. и некуда, и поздно…*». И только там, переводя дух и обводя глазами горную окрестность, ощутить себя ребёнком, который с ногами влез в кресло отлучившегося деда – пока не полетели «желтогрудые синицы», что «крошат камень на пшено», и та же самая жизнь не представилась тебе золотыми спицами «в неизвестно чьих руках».

И то лишь поначалу. Потому как возвращающаяся с боевого выхода пехота «*…размышляет не// о судьбе и странностях её,// а большей частью, как сменить бельё/,/ прокисшее за месяц боевых…*». А когда смысл беспросветной череды подобных выходов окончательно теряется, висящий над публичным домом и призывно подмигивающий рубиновый фонарь вдруг обнаруживает сходство с такого же цвета кремлёвскими звёздами. И «*пока полярною звездой// господь во тьме молчит*», лейтенанту «*снятся сны в далёкой дали,// сны немые, про россию.// не про ту – какую знали.// а про ту – какой простили*».

Отчизна тоже может отдыхать: «*…спи спокойно, родная страна.// сыновья твои платят исправно…*» тот самый бесконечный интернациональный долг, о котором столько было написано и наговорено в те годы. Что же до Господа, то мудрость отношений с ним тоже проста:

попроси всевышнего,
чтобы не дал лишнего.
только капельку печали
лёгким лунным ветерком.
попроси сейчас, в начале,
а не после, не потом…

Потом такого шанса может просто не оказаться. И даже в небесах вполне может поджидать в засаде принявший от тебя свинцовое крещение «отчаянный шахид»: «*…расплатой радостно дыша,// нажмёшь на спуск.// и я узнаю,// что помнит вечная душа,// не добежавшая до рая…*».

Ненависти к врагу здесь нет. Но и к отечеству, куда, подобно уставшему от крови клинку, идущему в ножны, «по бездорожью взорванных дорог» с безнадёжно проигранной войны возвращаются «*герои и убийцы – сучье племя,// святая крестоносная душа…*», нет её тоже. Во всяком случае, в самом герое, понимающем, что им, как земле с грозой на его глазах, «*…в этом месте// и в это время биться вышло…*». И пафосные слова о чести и смысле здесь ни к чему – ни на границе, ни в родной глубинной уральской Нижней Туре:

здравствуй, город-городок
под шаманскою горою.
уходили – как герои,

а вернулись – кто как смог.
кто – убитый, кто – живой,
кто – калека, рупь с полтиной…

Вернулись и увидели: ребятам, что «*взрослели – вкривь да вкось –// на мотив жиганской песни*» и «*дрались – не в кровь, так в кость –// в масть пацанскому закону*», особых вариантов жизнь не предоставила: «*…кто не в армию, тот в зону…*». Так что своё расставание с родным городом герой, сознающий, что пути назад не существует, воспринимает как милость: «*…жили-были – кто как мог.// Были-стали – как случилось…*»

Но если малая родина отпустила, то война, как выяснилось, не отстала. Вместе с афганской пылью на колёсах своих бэтээров и на подошвах они её привезли, что ли? «*и эти бросим горы,// когда черёд настанет…*». Это уже о Кавказе, где «*…смотрит близкий двадцать дикий век// из-под прикрытых красноватых век// убийцей-смертником,// что обкурился дури…*». И над руинами, что в свете ракеты не отбрасывают тени, снег не падает, как обычно, а реет, медленно взлетая в небо, словно души погибших. Их список оказывается подобен семейному альбому: «*…здесь все – родня мне.// а война всё длится.// а дома вырастают сыновья…*».

Однако памятный новогодний Грозный оказывается островом, ибо в остальной части страны жизнь продолжает идти своим привычным чередом: «*…а граждане – уснули,// им – на работу рано.// не пробивают пули// стекло телеэкрана…*». И это тоже не вызывает у героя книги ни бурных эмоций, ни стремления ударить в пробуждающий набат. Он просто предупреждает будущих бойцов:

…потом пройдёт и дым побед.
назад оглянетесь, трезвея:
– героям пламенный привет! –
вслед ухмыляется расея.
герои будущей войны,
противники спокойной жизни,
внимательно смотрите сны!
всё повторяется в отчизне.

Да и не только в отчизне. Друга Серёгу Белогурова, с которым в 22 года ощущали себя «генералами собственных надежд» и, словно хлеб,

ломали пополам целый мир, пуля вот подстерегла в Боснии. Пехота продолжает уходить вверх…

Дорога к дому

Сам-то он вроде бы своё уже отвоевал и пытается в тот же снег всмотреться по-другому, да не в одиночестве: «*…будет он идти сто тысяч лет// или зим – бесстрастною ордой.// чтобы превратиться в белый свет –// как и мы когда-нибудь с тобой…*». Хотя и в причалившем к полынному холму доме сквозняк подъезда и грохот лифта напоминают ему про вокзалы и эшелоны. И над сотворённой обесточенным троллейбусом автомобильной пробкой на екатеринбургской улице Белинского «*…вверху – три чёрных птицы// в небе цвета купороса –// тройка пик, три чёрных стража –// крутят петли пилотажа…*». И количество нот в разыгрываемой кем-то поутру опять же наверху гамме совпадает с числом патронов в револьвере. И вдруг возвратившееся одиночество позволяет порадоваться разве что за того же Всевышнего: «*…ключник. птицы…// слава богу,// бог один не одинок…*».

На земле же только «*дым из труб печных// стоит с прямой спиной…*». Сел бы в поезд, но «*…больше некуда ехать, географ,// давно// неродной стала// белая отчья страна…*». И только в небе остаётся надежда: «*…самолёт – на нитке слова –// как нательный лёгкий крест…// крестик мой четырёхпалый,/ ты не падай, ты держись!*».

Именно так он воспринимается даже после ставшего нарицательным 11 сентября, при котором вроде бы даже и год не требуется указывать – именно так, по дате, озаглавлено это стихотворение в одной из более ранних публикаций, и первые строчки отсылают читателя к ней: «*крошкой серого бетона// небоскрёб упал в ладонь…*». Однако в вышедшей в Екатеринбурге в 2008 году книге «Стихотворения» это заглавие снято, благодаря чему пространство текста разрослось до изначально заложенного в нём объёма.

И уж совсем светло и просторно становится в тексте, который завершает ту же книгу:

…дом всюду, где утраты навсегда,
где росчерком нечаянной свободы
одна и та же лёгкая звезда
в урочный час пронзает небосводы…

земля есть плоскость.
оттого на ней
устроено всё так, а не иначе…

но там, где мгла
уже совсем бела,
грядёт господь лазоревой полоской.

дом всюду, где есть радость естества,
подробно время, речи изначальны,
любовь безвинна, вечность не тесна,
летит звезда и небеса хрустальны.

Практически, по его собственному признанию, повторив в этой своей книге – во всяком случае, первом её разделе – предыдущую, вышедшую в 2001 году, сохранив её заглавие – «Запомнить, чтобы забыть» – в названии этого раздела, Дулепов как бы вновь подчеркивает свою приверженность военной теме и стремится обратить к ней новые поколения читателей. Причём настолько новые, что СССР и афганская война представляются им чем-то далёким, и, чтобы выполоть наросшее быльё, автор даже сопровождает книгу специальной «Пояснительной запиской» о реалиях того времени.

И всё же его «Стихотворения» – и, разумеется, без кавычек тоже – достойны куда большего, чем просто быть материалом для рассуждений о посттравматическом ветеранском синдроме. Безусловно продолжая лучшие традиции «военного» направления русской поэзии, они целиком вливаются в её экзистенциальный, бытийный поток, представляя собой образное свидетельство человека своего и нашего времени, который сам выбрал свой путь и не имеет ни иллюзий по поводу своего отечества, ни претензий к нему.

Там, где обычный взгляд на железнодорожном вокзале видит грачиную стаю бомжей, собирающих пустую посуду, обострённое пережитым зрение открывает этому человеку убогий русский ад, распространяющийся «на все четыре стороны». И снова звонит колокол, и герой на свою волчью голову сам ищет беду, нарываясь на ножевую схватку. И томит предчувствие, что после бравады 80-х и бандитской

вольницы 90-х в наступивших «нулевых» ознобными ночами по улицам снова поедут чёрные кареты…

Чтобы выжить в этом аду, надо только закрыть глаза и досчитать до ста – и тогда во сне всё полегчает и покатится само, и дважды два – бог с ним! – станет семь, и всё со всем будет рифмоваться. Но даже сам, подобно бомжу, идя на дождливом рассвете глухими парковыми джунглями и при виде мчащихся по дороге «тяжёлых фур и бандитских бех» ощущая себя окруженцем или партизаном, герой стремится «*…поближе к жилью!// туда, где я высушу мокрую обувь// и, может быть, душу свою…// где свет невечерний любви и смиренья// сияет пронзительно чист…*»

Как свидетельствует подборка стихов Дулепова, увидевшая свет в декабре 2010 года в журнале «Урал», ощущение неразрывного переплетения войны и мира, ада и рая со временем не ослабевает – разве что вызывает меньше ярких эмоций, переходит в привычную глубинную боль. За «*сиплые дыры// ветхих просторов – полей с перелесками,// пашни нагой да простуженных веток*», кажется, даже солнцу неудобно перед русскими, российскими людьми, которые пытаются «*глаз усмирив на родное последнее,// выдержать, вытерпеть, вымолчать слово*», так что светило взирает с высоты виновато и бестолково.

Здесь «*жизнь... проходит... по... фэн-шую*» между кладбищем, тюрьмой и зимой. А «*чем серьезней мороз,// тем отчетливей свойства вещей…*», и вставшие табором «бритоголовые кварталы» презирают монументальные державные граниты, а тем более новодельные бобровые хатки – тех самых лощёных бобров, из коих опять «*понаделают шапки халдеям*». И, чувствуя, чем опять может кончиться дело, «*душа по привычке к войне холодеет*».

Но отнюдь не иронически, а с по-прежнему затаённой надеждой вспоминается мальчик, что в кричащем «зимним голосом ребёнка» скором поезде с верхней полки плацкартного вагона в тёмное окно наблюдал, «*как не спит его страна.// гармонисты-косогоры// гнут меха без рукавиц.// хороводят семафоры// белой радугой ресниц.// вольным строем, непарадно,// тяжело шагает лес.// на войну или обратно —// то ль на небо, то ль с небес…*» Будущее виделось этому мальчику ясным и счастливым, жизнь – любимой и бесконечной.

Сегодняшний герой, сознавая размеры разделяющего их пространства, просит: «*там – где ты сейчас – словечко,// мальчик, молви за меня…*» Но всё-таки принимает этот свет и любит эту землю, и сам

любим – хотя бы во сне в рождественскую ночь: как водится у нас, «не благодаря, а вопреки…» И сохраняет благоговение перед женщиной:

женщина медленно спит.
простыни сброшены просто.
спящим неведом стыд.
спящая – сказочный остров,

полный серебряных птиц,
звёздных жемчужных обманов,
тайна, лежащая ниц
за чередой океанов.

дышат волна и волна
радостью светлого гимна –
каждая неповторима.
не одинока — одна.

А если такая женщина «*свечку малую зажгла,// нарядилась, как смогла*» и ждёт мужчину, тот – как, похоже, не единожды сам Вадим Дулепов – «через вьюгу, через снег», не поддаваясь холоду и метельному вою, а весело напевая, «*через время, через век…// не сегодня, так когда-то// доберётся как-нибудь…*».

2008-2011 гг.